

Частотно-типологическая модель перевода

Д.В. Псурицев

Теоретическое обоснование

Под моделью перевода в переводоведении принято понимать, в соответствии с общенаучным определением модели¹, некоторое концептуальное представление процесса перевода, делающее акцент на определенных его сторонах с целью более глубокого постижения сути происходящих явлений². Поскольку и в особенности потому, что переводоведение – область междисциплинарная и на процесс перевода можно взглянуть с самых разных сторон, число моделей перевода не может быть ограниченным.

Лингвистических моделей перевода, призванных отобразить работу переводчика с собственно языковыми единицами, традиционно насчитывают три, а именно: ситуативная (денотативная), трансформационная и семантическая. Причем если первая ориентирована на связь нетождественных, разнооформленных, но эквивалентных языковых единиц ИЯ и ПЯ с существенно единой внеязыковой реальностью, то вторая и третья – на глубинную логико-грамматическую структуру и семантику языковых элементов ИЯ и ПЯ в условиях неизбежного частичного асимметризма языков, соответственно. Справедливо отмечалось, что каждая из моделей удачно описывает не все, но лишь определенные аспекты процесса / случаи перевода³. Таким образом, ни одна из этих моделей не носит все-

¹ «Модель есть абстрактное представление реальности в какой-либо форме (например, в математической, физической, символической, графической или дескриптивной), предназначенное для представления определенных аспектов этой реальности и позволяющее получить ответы на изучаемые вопросы» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Модель>).

² Ср. «Модель принципа действия (принципиальная модель, концептуальная модель) характеризует самые существенные (принципиальные) связи и свойства реальной системы. Это – основополагающие физические, биологические, химические, социальные и тому подобные явления, обеспечивающие функционирование системы, или любые другие принципиальные положения, на которых базируется планируемая деятельность или исследуемый процесс. Стремятся к тому, чтобы количество учитываемых свойств и характеризующих их параметров было небольшим (оставляют наиболее важные), а обзорность модели – максимальной, так чтобы трудоемкость работы с моделью не отвлекала внимание от сущности исследуемых явлений» (там же).

³ Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: «ЭТС». 2002. С. 152–157.

объемлющего характера, и лишь в своей совокупности они могут притязать на то, чтобы с некоторой (не исчерпывающей) степенью полноты покрывать все поле перевода. Другими словами, известные лингвистические модели имеют статус взаимной дополнительности. Кроме того, ни одна из этих структурно-абстрактных моделей, по-видимому, не дает описания реальных действий переводчика в процессе перевода. Так, не доказано (и в высшей степени маловероятно), что переводчик выходит («спускается») на уровень глубинной структуры или ведет сложный дискретный подсчет семантических признаков на каком-либо отрезке оригинала с целью их последующего воспроизведения в ТП. Обращение к затекстовой реальности в рамках денотативной модели реалистично лишь для ограниченного числа случаев и лишь с точки зрения результата, – однако каким именно образом в процессе перевода происходит смена способа описания ситуации, остается неясным. Из трех названных моделей лишь денотативную можно считать в определенной степени прескриптивной, направленной на соответствие (стилевой) норме ПЯ. Конечно, ни реалистичность ни прескриптивность не входят в число требований, предъявляемых к научной модели, но мы хотели бы заметить, что эти качества не являются и нежелательными.

Является ли закрытым набор лингвистических моделей перевода? Если смотреть с привычных позиций, соотнося возможные варианты лишь со взятыми по отдельности семиотическими уровнями (синтаксис, семантика, прагматика), то может показаться, что все возможности уже исчерпаны. Однако если исходить из более комплексного и обще-

го теоретического воззрения и пытаться увязать в одно целое практические переводческие решения на различных уровнях языка, то, как нам представляется, возникает возможность для постулирования еще одной, более реалистической, а также более универсальной и всеобъемлющей лингвистической модели. Изложению пролегоменов к данной модели, получающей название «частотно-типологическая модель перевода», для краткости «частотно-типологическая модель», или ЧТМ, и посвящена настоящая статья.

Не претендуя на новизну лежащих в основе ЧТМ идей (они относятся к известным разработкам), мы хотели бы тем не менее подчеркнуть важность методологически грамотного уточнения, согласования и соединения этих идей. Назовем составные части предлагаемого моделирующего представления. Это, во-первых, теория закономерных соответствий (ТЗС) Я.И. Рецкера, во-вторых, теория-гипотеза языковых спектров (ТЯС) М.Д. Литвиновой, в-третьих, фундаментальный принцип различения в переводе (обще)языкового и авторского, восходящий к работам И.А. Кашкина. Опишем эти части.

1. Понятие закономерных соответствий, впервые сформулированное Я.И. Рецкером в 1950 г. для лексических единиц в известной работе и уточненное им в дальнейшем⁴, трудно переоценить. Чрезвычайно глубока, актуальна и плодотворна, несмотря на кажущуюся

⁴ Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Теория и методика учебного перевода. – М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1950. Он же. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: «ЭТС». 2002. С. 152–157.

Теоретические основы

простоту, сама мысль о том, что перевод происходит не по случайному принципу, что помимо внеконтекстуальных однозначных эквивалентов (например, терминов и имен собственных), в ТО и ТП имеются элементы, являющиеся неочевидными, но тем не менее устойчивыми (закономерными) эквивалентами друг друга. Хотя Я.И. Рецкер прямо не говорил о наличии закономерных соответствий в синтаксисе, уже в результатах описанного им эксперимента содержатся элементы, принадлежащие к уровню словосочетания, а значит к синтаксическому уровню. Скепсис некоторых исследователей в отношении закономерных соответствий на синтаксическом уровне опирался на простое (вернее, упрощенное) суждение о том, что одно и то же реальное сложноподчиненное или сложносочиненное предложение ИЯ каждый переводчик переведет на свой лад и манер, так как цель перевода – передача не синтаксических конструкций, а смысловых сем, содержащихся во входящих в предложения словах, – и следовательно ни о каких закономерных соответствиях здесь говорить не приходится⁵. Однако все встает на свои места, стоит лишь учесть два фактора, сбрасываемых критиками со счетов. Первый фактор – фактор существенного синтаксического паттерна: за внешним несхождением синтаксических решений может просматриваться глубинное структурно-грамматическое сходство. Например, при передаче английского развернутого описания психологического состояния

порой важно не столько то, использует ли переводчик в качестве эквивалентов разветвленного сложноподчиненного предложения или целой череды предложений – те или иные конкретные виды русских предложений или причастные обороты, – сколько то, что неодушевленное отвлеченное подлежащее оригинала или целый ряд таких подлежащих (означающих чувства, эмоции, переживания) заменяются одушевленными (местоимением или именем собственным), и вся сложная фраза или череда фраз в ПЯ (русском) выстраивается таким образом вокруг одушевленного центра – действующего лица. И если подобная тенденция к переходу на одушевленность наблюдается у некоторого преобладающего количества переводчиков, не своего ли это уже рода закономерное соответствие? То есть второй фактор – фактор частотности. Поскольку синтаксис – особо сложная, высокополивариантная система, закономерным соответствием (эквивалентом) здесь можно считать уже некоторый основополагающий, категориальный вариант синтаксического решения – при условии наличия такого решения у значительного или преобладающего числа переводчиков (которые, вероятно, подсознательно или сознательно ориентируются на похожие схемы предложений в оригинальных текстах ПЯ). Вопрос о том, каким должно быть это преобладающее число – 60%? 70%?.. – остается открытым, нуждаясь в дальнейшем методологическом осмыслении с применением корпусных исследований, но это не отменяет самого принципа наличия закономерных соответствий в синтаксисе.

Думается, однако, что выражение «закономерные соответствия» должно быть заменено выражением «законо-

⁵ См., например, Витренко А.Г. Надо ли учить переводческим трансформациям? // Вестник МГЛУ, выпуск 488, “Перевод и стилистические ресурсы языка” (к 75-летию проф. М.Д. Литвиновой), сер. “Лингвистика”. – М., 2004. С. 90–106. (Альтернативный доступный ресурс: <https://docus.me/d/919589/>)

мерные преобразования» (ТЗС в качестве одной из основ модели, таким образом, становится ТЗП). Ибо, как мы только что сказали, важна не абсолютная, а относительная статистическая закономерность, само направление изменения в переводе, *преобладающий характер преобразования*. Разумеется, это касается не только уровня предложения, но и уровня словосочетаний и слов (семантика дает возможность толкования словесных замен, выходящих за рамки простой однозначной замены, как преобразований). Итак, мы распространяем понятие закономерного соответствия с области лексики на область синтаксиса, и заменяем понятие соответствия понятием преобразования, подчеркивая тем самым процессуальный характер модели.

2. С категорией частотности тесно связана вторая составная часть модели – теория-гипотеза языковых спектров М.Д. Литвиновой. Впервые блистательная идея ТЯС была высказана ее автором в 1974 г. на общепитутской научной конференции (ученые записки МГПИИЯ, реферат доклада). В более позднем выступлении (2002) имеются следующие формулировки (приведем эти важные цитаты): «Каждое явление в конкретном языке (это относится к морфологии, лексике, синтаксису, стилистическим приемам; категориям – части речи, виды сказуемых, наклонения, залоги; отдельным элементам – приставки, отдельные слова) имеет определенную среднестатистическую частоту употребления. Совокупность этих частот и была названа “спектром языка”. (...) Спектр языка, естественно, меняется на протяжении истории народа – носителя языка. Имеется, однако, некоторый ствол, который сохраняется многие сто-

летия. (...) Таким образом, у нас имеется, по крайней мере, один четкий критерий для оценки качества перевода – в какой мере переводчик остался верен спектру своего языка»⁶. Мы называем построение М.Д. Литвиновой теорией-гипотезой, так как для ее всестороннего подтверждения хотя бы на материале одной языковой пары необходимы подробные сопоставительные статистические исследования соответствующих явлений и категорий. Конкретные данные, приводимые самим автором, преимущественно касаются синтаксического уровня языка, набора синтаксических структур, типов придаточных предложений в английском и русском языках, иначе говоря, носят выборочный характер. В некоторых дипломных работах, выполнявшихся в разные годы под руководством М.Д. и ее учеников, по кафедре перевода английского языка переводческого факультета МГЛУ, проблематика спектров английского и русского языков в сопоставлении также затрагивалась преимущественно с точки зрения синтаксиса. Распространение принципа учета языкового спектра на все уровни языка – насущная задача переводоведения, которая пока не решена. Но это несколько не снижает методологического значения самого важнейшего принципа – руководствоваться как при переводе, так и в оценке стилистического качества перевода оригинальными прецедентными

⁶ Литвинова М.Д. Методика преподавания художественного перевода в филологических вузах. Критерий оценки переводов. С. 75–76 // Проблемы обучения переводу в языковом ВУЗе, 16–17 апреля 2002 г., Тезисы докладов Первой международной научно-практической конференции. С развернутыми рассуждениями автора можно ознакомиться в статье «Спектр языка – лингво-статистический критерий оценки переводов художественных произведений» (Столпотворение. 2010. № 13. С. 131–146).

Теоретические основы

(функционально аналогичными) текстами ПЯ.

Следует сказать несколько слов о том, что представляют собой с точки зрения ТЯС функциональный стиль (ФС), скажем, художественной литературы, и идиостиль автора, с которым, собственно, приходится иметь дело переводчику. Спектр стиля художественной литературы, как и любого другого ФС, вероятно, следует тенденциям языка в целом, но вместе с тем содержит в каких-то своих частях отклонение от среднестатистических значений частотности тех или иных явлений. Идиостиль писателя, в свою очередь, опознаваясь, с одной стороны, как представитель ФС художественной литературы в целом и содержа несомненные корреляции своего «личного» спектра со спектром этого ФС, с другой стороны, способен давать и некие отклонения от средних значений спектра ФС. Приведем несколько примеров. При некоторой среднестатистической длине предложения в ФС, средняя длина предложения у авторов может заметно колебаться. При типологически заданном общем соотношении сочинения и подчинения, средняя точная их пропорция различается от автора к автору; кроме того, переводчику-лингвисту откроется: частотность временных придаточных предложений в художественной литературе в целом в русском языке ниже, чем в английском, однако у переводимого в данный момент автора она выше или ниже, чем у других.

Установив на языке оригинала частотность тех или иных элементов авторского стиля относительно спектра ФС и спектра языка оригинала в целом, мы можем воспроизводить в переводе этот эффект авторского стиля с поправкой на

спектр ПЯ. «Буквализмы (...) могут рассматриваться как нарушение русских частотных норм», – совершенно справедливо отмечает М.Д. Литвинова (цит. соч., с. 76). И это указывает на важнейшее достоинство ТЯС – возможность отследить *неочевидные* расхождения между системами ИЯ и ПЯ, то есть *расхождения в схожем*, заключающиеся в разной частотности элементов сопоставимых парадигм. Например, всем ясно, что в русском языке нет аналога английского абсолютного причастного оборота, точно так же как в английском отсутствуют аналоги русских безличных предложений, и здесь вряд ли стоит ожидать ошибок в виде буквального перевода. Тогда как сам факт преобладающего сходства парадигмы (набора) придаточных предложений в АЯ и ИЯ способен увести переводчика на тропу буквализма: если в русском языке существует тип придаточного предложения, аналогичный английскому, рассуждает иной переводчик, то я имею право его употребить всякий раз, когда встречу в английском тексте. Между тем, если частотность этого типа придаточных в ПЯ оказывается ниже, то задача переводчика в связи с этим заключается, конечно, не в полном отказе от той или иной конструкции, но в наблюдении спектра своего языка, с тем чтобы синтаксический рисунок текста перевода с точки зрения частотности соответствующих конструкций был существенно подобен рисунку оригинальных функционально аналогичных текстов ПЯ (с учетом тонких авторских отклонений от спектра ФС).

Таким образом, ТЗП и ТЯС прекрасно дополняют друг друга, причем если идея ТЗС изначально была укоренена в лексике (сами категории зако-

номерных соответствий разработаны Я.И. Рецкером в первую очередь для слов и словосочетаний⁷), то ТЯС казалась наиболее наглядно верной как раз в сфере синтаксиса. В какой-то прошедший исторический момент ТЯС можно было даже рассматривать прежде всего как удачную попытку подтверждения ТЗС со стороны синтаксиса. С другой стороны, частотности тех или иных лексических, лексико-грамматических категорий и явлений тоже входят в спектр языка; на настоящий момент недостает лишь корпусных исследований, подтверждающих частотные расхождения в схожем на всех уровнях языка. В целом же ТЗП и ТЯС на данном этапе можно считать, в описанном нами понимании, чем-то единым, а именно – ТЗП/ТЯС.

Акцент на учете количественного фактора сопоставительной частотности, присущий ТЗП/ТЯС, однако, не должен заслонять и другого важнейшего акцента, имплицитно присутствующего здесь, а именно акцента на сопоставительной типологии. Выше мы сказали о требовании существенного подобия текста перевода функционально аналогичным оригинальным текстам ПЯ. И разумеется, это подобие не может быть ничем иным, как подобием типологическим (ведь частотность явлений – внешнее проявление языкового типа). Дешевые способы самовыражения, которыми пробавляются современные необуквалисты, когда считают для себя возможным, на основании примитивного «мне так нравится» или на основании ошибочного, ложно-романтического «следования воле авто-

ра», идти за ИЯ сильнее, чем подсказывают законы ПЯ, – суть не что иное, как непонимание или сознательный недоучет фактора типологического расхождения языков. Причем, как мы видели только что при изложении сути ТЗП/ТЯС, этот фактор гораздо тоньше и связан с неочевидными, но вполне объективными количественными расхождениями.

Но как же быть – спросит проницательный читатель – с качественными, не сводимыми к частотности, категориальными расхождениями языков в сфере стиля, стилистического? Чуть забегаая вперед, ответим так: при невозможности – в силу типологической разницы – передать авторское своеобразие на том же языковом уровне или с помощью тех же категорий, мы должны компенсировать это авторское своеобразие на других уровнях или с помощью других, актуальных для типа ПЯ языковых категорий. Это утверждение носит программный и принципиальный для борьбы с буквализмом характер, перенося акцент с частотности на типологию, и сделано здесь для полноты высвечивания всех проблем; раскрытию же его можно было бы посвятить целый ряд переводоведческих исследований на конкретном материале.

3. Типологическая составляющая ЧТМ, несомненно потенциально присутствующая в ТЗП/ТЯС, предстает заметнее в третьей части ЧТМ, а именно в принципе различения в переводе (обще)языкового и авторского, восходящем к И.А. Кашкину. Кашкин был филологом, литературоведом, а не лингвистом, и, как известно, с недоверием и даже неприязнью встретил первые работы А.В. Федорова, заложившие осно-

⁷ Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Теория и методика учебного перевода. – М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1950. Он же. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения. 1974.

вы лингвистической теории перевода⁸. Поэтому является некоторым прекрасным и справедливым историческим парадоксом то, что упомянутый ключевой именно лингвистический принцип провозгласил именно Кашкин. Впрочем, сама формулировка «различение языкового и авторского» у Кашкина отсутствует, она была услышана от М.Д. Литвиновой учениками, и сколько мы ни спрашивали у М.Д. источник мудрости, точного источника М.Д. указать не могла, кроме того, что эта идея витала в воздухе на семинарах 60-70-х гг. по художественному переводу, которых она была участницей. Впоследствии, посоветовавшись, мы условились, что уместнее будет говорить не «языковое», а «общеязыковое», так как к языку (языковому началу), строго говоря, принадлежит все. Лишь несколько лет назад в результате целенаправленных поисков у Кашкина была найдена столь необходимая цитата, являющаяся несомненной прародительницей указанного принципа (не так уж странно, если учесть, что в упомянутых М.Д. семинарах принимали участие наследницы Кашкина из его знаменитого семинара). Это цитата из известной статьи «Ложный принцип

⁸ В самом намерении создать лингвистическую теорию перевода И.А. Кашкин подозревал опасную попытку навязать переводчикам-художникам слова некий жесткий формальный алгоритм действий и руководство со стороны «лингвистов», например: «сторонники этого метода предлагают уже сейчас сдать художественный перевод в ведение лингвистам, с тем чтобы те изучили все пока еще не изученные случаи лингвистических соответствий. А переводчикам предлагают ждать готовых решений, которыми и руководствоваться, что вовсе не соответствует запросам художественного перевода, который ждет от теоретиков не штампованных рецептов готовых языковых решений, а глубокого изучения основных проблем поэтики художественного перевода» (Раздел «О методе и школе советского художественного перевода» / авторский сборник статей «Для читателя-современника». – М.: Советский писатель. 1977. С. 440).

и неприемлемые результаты» (1952), посвященной критике буквалистских переводов Диккенса. Общий контекст работы – филологический, причем с отзвуками идеологических сражений того времени, однако цитата – несомненный первоисточник концепции различения общеязыкового и авторского (КОА): «Знание переводчиком строевых и грамматических элементов чужого языка необходимо, оно помогает уяснить смысл текста, однако воспроизводить в художественном переводе формы чужого языка вовсе не обязательно, а то и вредно. Зато индивидуальный стиль автора, творческое использование им выразительных средств своего языка должно быть воспроизведено в переводе как можно полнее, поскольку именно этим может быть донесена до читателя идейная и художественная сущность подлинника, индивидуальное и национальное своеобразие автора»⁹.

Итак, «строевые и грамматические элементы», «формы» оригинала = общеязыковое. «Индивидуальный стиль автора», «творческое использование им выразительных средств» = авторское. Однако необходимо иметь в виду, что под «воспроизведением» Кашкин понимает не передачу как таковую, а *буквальное воспроизведение*. Передаче же в переводе, хотим подчеркнуть мы, подлежит как общеязыковое, так и авторское; но подход к их передаче разный. Таков общий методологический принцип правильного перевода, упорно ускользающий, несмотря на простоту, от буквалистов, и заключается он в следующем. Если общеязыковое оригинала следует передавать в ТП функциональными аналогами, органичными для системы ПЯ, то в

⁹ Названное сочинение И.А. Кашкина, в том же сборнике статей (С. 378).

случае с авторским следует действовать по возможности и впрямь консервативно, стараться передать его как можно формально точнее; при невозможности сохранения структуры приема менять структуру, сохраняя содержание (образ); и лишь при серьезной необходимости – менять и структуру и образное содержание приема¹⁰.

Вопрос четкого различения общеязыкового и авторского в тексте оригинала служит тем оселком, на котором проверяется склонность переводчика к буквализму. Эта склонность может быть неосознанной и осознанной, и может быть связана как с методологически ошибочно понимаемой установкой «как можно точнее передать слог автора» (то есть с недостаточным лингвистическим кругозором), так и с тайным стремлением недорогой ценой прослыть ярким масте-ром. Действительно, простое и дословное воспроизведение в ТП тех структур и оборотов ТО, которые относятся к общеязыковой составляющей, создает в тексте перевода весьма броский и выразительный «стилистический» рисунок. Однако соответствует ли этот рисунок подлинным свойствам стиля оригинала, его системе функциональных стилистических доминант? Общеязыковое дает тот фон-стандарт, на котором проявляются авторские черты. Именно так обстоит дело в оригинале. Если же этот фон-стандарт передается в переводе таким образом, что поневоле начинает восприниматься как нечто необычное и авторское, то перевод-

чик, хочет он того или нет, нарушает авторское намерение, создает в переводе неорганичный, несуществующий авторский стиль; к тому же на этом неестественно взвинченном стилистическом фоне тянутся действительно авторские стилистические приемы, все сливается в один «протяжный вой»¹¹. Буквализм (остраннение формы, в том числе синтаксический буквализм) можно рассматривать и как своеобразную, неоправданную экзотизацию/форенизацию (англ. foreignization) текста в переводе. Тогда как одомашнивание/доместикацию (англ. domestication) основного синтаксического фона (разумеется, с поправкой на авторские синтаксические черты, которым надо искать авторские же эквиваленты в ПЯ) следует считать той здоровой константой, нормой перевода, которую, по-видимому, никто и никогда не отменял¹².

Переводчик должен очень хорошо представлять степень типологического расхождения в той паре языков, с которой он работает. Думается, что при значительном типологическом расхождении соблазн отличиться за счет ИЯ будет меньше, чем при менее заметном расхождении. Например, перевод на русский с западноевропейских языков дает больше лазеек для буквализма, чем с языков принципиально иного (нефлективного) типологического строя. Как мы уже упо-

¹¹ Яркий анализ одного из примеров такого перевода см.: Шейн А.И. «Линяем, цыпа». Как Немцов Дилана следить за базаром учил // Мосты. Журнал переводчиков. 2007. №2 (14). С. 61–73.

¹² Проблема так называемого (идио)стиля переводчика, одна из самых противоречивых и методологически малоосвоенных проблем переводоведения, в рамках нашей базовой модели не рассматривается. Думается, впрочем, что собственный яркий почерк переводчика, если он есть, должен быть сродни некому природному писательскому почерку на ПЯ и не должен опираться на эксплуатацию буквалистских приемов, противоречащих в частотном или ином отношении типу и спектрам ПЯ.

¹⁰ Ланчиков В.К. Топография поиска. Стандартизация в языке художественных переводов и ее преодоление. В сб.: «Огранка смысла». – М.: Р.Валент. 2018. С. 6–36.

Здесь прослеживается изящная аналогия с выбором минимально необходимого и достаточного рабочего уровня эквивалентности (синтаксический, семантический, прагматический) по А.Д. Швейцеру (см. далее).

минали, ситуация сходства парадигм с различной частотностью для членов парадигм в ИЯ и ПЯ создает особо благоприятные условия для буквализма всех мастей. Итак, в основе подготовки переводчика должно лежать подробное изучение сопоставительной типологии ИЯ и ПЯ.

На наш взгляд, большой интерес также представляют и сравнительные исследования *характерологической направленности*. Основоположник характерологии В. Матезиус предлагал изучать «взаимно благоприятные» (взаимообусловленные) черты языка, относящиеся к разным его уровням, чтобы в конечном счете построить иерархическую систему наиболее типичных особенностей того или иного языка¹³. Если же подобную моноцентрическую характерологию сделать дуоцентрической, сравнив эти системы, выстроенные для двух языков той или иной пары (ИЯ и ПЯ), то переводчик получит возможность более стратегического и эффективного подхода к выражению мысли оригинала на своем языке. Действительно, если задуматься над тем, что же способно сделать вполне точный в отношении смысла перевод в той же мере удобочитаемым, что и оригинал на ИЯ, и оригинальные тексты на ПЯ, то это – свойство некой идиоматичности (понимая под идиоматичностью органическое сочетание характерных строевых элементов синтаксиса с определенным грамматико-словесным наполнением), или, что одно и то же – свойство структуриации мысли в переводе наиболее естественным

и благоприятным для ПЯ способом. Переводчику, так же как и писателю, постоянно приходится учитывать взаимодействие и одновременную реализацию языковых средств на разных уровнях (от морфологии до синтаксиса текста), поэтому характерологический подход в переводоведении и практике перевода был бы особенно уместен¹⁴. И будь характерология вполне разработанной дисциплиной, предлагаемую нами модель перевода, возможно, стоило бы также называть *характерологической моделью*.

В некотором роде частотно-типологическая модель перевода носит и *стилистический характер*. Ведь выбор средств языка, те или иные переводческие решения всегда имеют те или иные стилистические последствия для текста; правильно установив при анализе оригинала картину соотношения общезыковых и авторских средств и затем грамотно отразив в переводе долю общезыкового в соответствии с концепцией КОА, мы получим общестилистически адекватный (соответствующий типологической норме ПЯ) перевод. Но помимо общей стилистической адекватности есть и стилистическая эквивалентность на уровне передачи отдельных или системно организованных приемов автора (причем если говорить о системе приемов автора на уровне целостного текста перевода, то это уже более специфическая стили-

¹³ Матезиус В. О лингвистической характерологии на материале современного английского языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастная лингвистика. – М.: Прогресс. 1989. С. 18–26.

¹⁴ Особенно же ярко характерологические свойства языка, как нам кажется, проявляются в устройстве описаний. Мнение о том, что уровень «типа описания» в тексте (портрет, пейзаж, динамическое описание, нек. другие) носит полностью свободный, авторский характер, видится нам ошибочным. Общезыковое, характерологическое начало пробивается устойчивым фоном сквозь внешне свободный и подвижный словесный рисунок (это может касаться логики изложения, системы кореферентности, и так далее). Мы не имеем здесь возможности остановиться на этой интереснейшей проблеме подробнее.

стическая, соразмерная автору, адекватность). Мы упоминали, что при передаче авторских черт, стилистических приемов нужно быть разумно консервативным и выходить на уровень прагматической эквивалентности, лишь исчерпав возможности синтаксического и семантического уровней¹⁵. Таков общий принцип, но факторы выбора уровня эквивалентности при передаче того или иного художественного приема, группы приемов, всей конструкции художественных приемов целостного текста пока еще не изучены. Асимметризм между системами ИЯ и ПЯ, носящий типологический/характерологический характер, распространяется и на область стилистики, стилистических приемов. Как мы уже бегло упоминали в связи с ТЯС, особое значение здесь приобретает исследование компенсационных переводческих стратегий, связанных с выходом – в целях передачи авторского своеобразия – на другие ярусы языка и в другие, более типологически благоприятные для ПЯ, языковые категории. Типологическая (или характерологическая) сопоставительная стилистика ждут своих первооткрывателей.

Скажем несколько слов об отношении нашей модели и к так называемым законам (или универсалиям) перевода – интерференции и возрастающей стандартизации (Г. Тури). Как нам представляется, четко отделяя общеязыковое от авторского, выполняя в переводе те

преобразования, которые закономерно вытекают из типологической разницы ИЯ и ПЯ, переводчик в силах противостоять в разумной мере действию закона интерференции, так что давление ИЯ не будет чрезмерным. Что касается «преодоления стандартизации» (формулировка В.К. Ланчикова) при передаче авторских приемов, то здесь, конечно, многое зависит от воли и таланта переводчика; методологические же основы передачи авторского на фоне общеязыкового – в его распоряжении. Но подобно тому как наряду с задачей достижения общей функционально-стилистической адекватности текста перевода есть задача передать в переводе собственно авторские стилистические приемы, – наряду с задачей преодоления стандартизации в передаче элементов авторского стиля есть общая задача стилистической дестандартизации переводного текста в целом. Одна из важных тенденций перевода, описанная С. Тиркконен-Кондит в ее известной статье на экспериментальном материале как *underrepresentation of unique items* (= *unique items hypothesis*), заключается в том, что в переводе, по сравнению с оригинальными текстами на ПЯ, используется меньше специфических для ПЯ (отсутствующих в ИЯ) языковых средств и элементов¹⁶ (хотелось бы также предложить для этой тенденции и другое название – «ослабление характерологических признаков ПЯ в переводе»). Это же имеет, например, в виду М.Д. Литвинова, когда пишет: «... не забыл ли [переводчик] исконные русские наречия, чисто русские инфинитивные конструкции и другие речения,

¹⁵ Экстраполируя уровни эквивалентности А.Д. Швейцера на стилистику, напомним, что необходимый прагматический эффект присутствует на всех трех уровнях стилистической эквивалентности, разница лишь в том, что на синтаксическом уровне он достигается без изменения структуры и словесно-образного содержания, а на семантическом – с необходимым изменением структуры, но без изменения образного содержания; тогда как при выходе на прагматический уровень переводчик меняет и структуру и содержание приема.

¹⁶ Tirkkonen-Condit S. Unique items – over- or under-represented in translated language? // Translation Universals. Do they exist? (Ed. by A. Mauranen, P. Kujamäki), John Benjamins Publishing Company, Amsterdam / Philadelphia, 2004, pp. 177–184.

Теоретические основы

имеющие нулевую частотность в иностранном языке»¹⁷. Решать задачу общей дестандартизации переводного текста, следует, полагаем мы, как бы сознательно усиливая давление на перевод со стороны своего родного ПЯ. Это давление имеет свои дополнительные положительные следствия; например, в случае русского языка как ПЯ – это благоприобретаемая краткость (за счет опущения подлежащих, притяжательных местоимений, подчинительных союзов, и т.д.). Упомянутая выше черта многих несовершенных переводов (ослабление характерологических признаков ПЯ) может, с одной стороны, рассматриваться как пятая суб-универсалия стандартизации (наряду с упрощением, разъяснительностью, нормализацией и выравниванием, по М. Бейкер); с другой – располагается как бы в другой плоскости, будучи рядоположенной к интерференции (давлению ИЯ) и может быть дополнительно определена как *ослабленное давление ПЯ*. Соответственно, сознательная общая дестандартизация переводного текста на этом направлении – желательна, создавая важный противовес интерференции, и может быть определена как *усиленное давление ПЯ* (своего рода *антиинтерференция*).

Есть огромное количество прекрасных и даже признанных образцовыми текстов переводов. Ключевые лингвистические характеристики этих текстов – соответствие спектру ПЯ (соответствующего исторического периода), использование прежде всего тех синтаксических моделей («синтаксическо-

го канала», по удачному выражению М.Д. Литвиновой), которые максимально органичны и благоприятны для выражения мысли на ПЯ; в этих текстах практически нет буквализмов, зато ослабление характерологических признаков ПЯ в них не так явно, как в переводах худшего разбора; что же касается передачи авторского своеобразия, идиостилевых черт, то они переданы на фоне соответствующего функционального стиля ПЯ таким образом, с такими умными и тонкими типологическими поправками, что стиль перевода можно принять, как это ни крамольно звучит, за идиостиль некоего несуществующего писателя, пишущего на ПЯ (но при этом нет ощущения русификации). Значит ли это, что тем самым недопустимо стирается грань между переводными и оригинальными текстами на ПЯ? Конечно, нет, ибо уникальный мир автора, вобравший национальное и локальное своеобразие, – неповторим и неразрушим; сюжетно-содержательные характеристики произведения, образы главных героев (включая умно переданные – опять же с поправкой на типологию ПЯ и в пределах возможностей для данной пары языков и культур – социально-речевые характеристики), культурологические лексические реалии, – все это, пройдя через горнило хорошего перевода, никуда не исчезает. Другими словами, лучшие переводы – и есть де-факто результат воплощения тех принципов, которые лежат в основе нашей модели.

Говоря так, мы тем самым фактически предписываем переводчикам действовать в соответствии с изложенными принципами, и наша модель становится прескриптивной, в некотором роде противостоящей релятивизму и безоглядному дескриптивизму современного западного переводоведения.

¹⁷ Литвинова М.Д. Методика преподавания художественного перевода в филологических вузах. Критерий оценки переводов // Проблемы обучения переводу в языковом ВУЗе, 16-17 апреля 2002 г., Тезисы докладов Первой международной научно-практической конференции. С. 76.

Вести же (по крайней мере в рамках настоящей статьи) дискуссию с теми, кто считает, что любой метод и способ перевода обладает правом на существование, что перевод не обязан быть в языковом отношении похож на оригинальные тексты ПЯ или что перевод должен сполна вместить богатую творческую личность переводчика и даже его идеологию, – мы не намерены, так как все это слишком фундаментальные философские и, если угодно, мировоззренческие вопросы; мы стоим на своих собственных мировоззренческих позициях и решаем все вопросы соответственно.

Работа модели

Теперь, когда все необходимые предварительные замечания сделаны, кратко опишем дополнительные свойства и работу модели.

Модель призвана реалистично отразить действия письменного переводчика (прежде всего художественной литературы).

Модель применима к любым языковым парам, то есть относится к общей теории перевода, но конкретным содержанием наполняется в той или иной языковой паре.

Предпосылкой к применению модели является составление подробной сопоставительной типологической/характерологической сводки для двух рабочих языков, организованной по уровням. Зоны симметрии в областях морфологии, лексики, грамматики, синтаксиса, стилистики чередуются с зонами асимметрии, степень асимметрии при частичном сходстве может колебаться от большой до малой. Все это будет иметь несомненное значение для перевода. Конкретная же «карта» симметричных и асимме-

тричных зон зависит от степени родства и от типологических свойств языков той или иной пары.

Модель исходит из идеи первичности синтаксиса, синтаксических решений переводчика. Сразу надо подчеркнуть, что речь идет не о хомскианской глубинной структуре, призванной привести логику формирования высказывания на различных языках к единому прототипическому знаменателю, и не о глубинных падежах пропозициональной (предикатно-аргументной) структуры Ч. Филлмора. Было бы нереалистично полагать, что переводчик в принятии решений руководствуется столь абстрактными и формализованными построениями. Куда более вероятно, что переводчик попросту прикидывает, как оптимальнее (удобнее и лучше) пустить мысль оригинала по синтаксическому руслу ПЯ, сохранив при этом и оттенки смысла, заключенные в лексемах, и авторские стилистические приемы.

Редакторы перевода хорошо знают, что гораздо проще редактировать текст, который синтаксически уже сложился по-русски, редактирование при этом сводится к операциям «слово туда, слово сюда»; и чрезвычайно тяжело работать с текстом перевода, в котором «не решены» принципиальные синтаксические «развязки»: если потянуть за одно неудачное слово, «едет» вся конструкция предложения, а вместе с ней и конструкции соседних предложений, текст приходится переписывать, перелицовывать заново. (В таких случаях в виде наказания незадачливому переводчику в старые добрые времена на обороте титула писали «Перевод такого-то под редакцией такого-то».) Бывают аналогичные случаи, когда чрезмерно увлекшемся начинающему переводчику, выполнив-

Теоретические основы

шему перевод небольшого, но трудного рассказа стремительно и вдохновенно, за одну ночь, на ощущении «правильно найденных слов», приходилось потом переписывать весь текст заново, стоило лишь тронуть какое-нибудь неудачное слово в этом сыром, синтаксически недотрансформированном тексте. Известны также случаи плагиата при перепереводе трудных авторов, когда из предыдущего перевода крались именно синтаксические решения сложных кусков, описаний, а словесные клеточки для замещения следов заполнялись другими словами. Наконец, давно подмечено, что даже при ярком и смелом словесном наполнении перевод, изобилующий синтаксическим буквализмами, оставляет ощущение неловкого, тяжелого, «иностранный текста». Все это, как нам кажется, свидетельствует о достаточной реалистичности выдвигаемого нами принципа приоритета синтаксических отношений в переводе.

Конечно, бывают случаи, когда синтаксическая организация фразы на ПЯ заранее предопределена необходимостью употребить то или иное точно подходящее слово в определенной частеречевой разновидности (скажем, в ПЯ с необходимым корнем существует только глагол, или только существительное, или только прилагательное), либо фразеологический оборот, и вся фраза грамматически выстраивается вокруг этого слова / оборота; или же она заранее предопределена необходимостью передачи игры слов, зачастую требующей «немедленного» выхода на прагматический уровень эквивалентности с его менее формальным соответствием оригиналу. Но все эти случаи можно не рассматривать в качестве основных.

Конструкция предложения на ПЯ, какой она предстает поначалу в процессе перевода, таким образом, являет собой нечто вроде примерной, зыбкой схемы с членами предложения, своего рода пустыми клеточками, означающими определенную функцию, не заполненными пока конкретными лексемами, например, [*подлежащее–распространенное обособленное определение к подлежащему–дополнение–сказуемое–обстоятельство образа действия*] (порядок этих «клеточек» соотносится с базовыми тематическими отношениями и логическими акцентами, которые необходимо выразить; в условиях языка с фиксированным порядком слов предусматривается необходимое выражение этих отношений и акцентов в рамках грамматически предустановленного правилами данного языка). Эта условная схема предложения по мере формирования представления о конечном варианте перевода-фрагмента и заполнения пустых «клеточек» значащими элементами уточняется, модифицируется, простое предложение может превращаться в сложное; сложноподчиненное предложение – становиться сложносочиненным, и т.д. Примерно в таком же виде предстает сознанию переводчика в ПЯ и аналог сложноподчиненного предложения оригинала, вот условный пример: [*главное предложение–придаточное предложение с бессоюзным подчинением, осложненное деепричастным и причастным оборотами*]. Когда мы сказали о критериях синтаксического изложения на ПЯ – «удобнее и лучше», то подразумевали, во-первых, практическую, а во-вторых, конечно же, типологическую целесообразность.

Прикинув, спланировав и в целом вчерне реализовав – с соответствующим

пробным или выборочно уже более-менее окончательным лексическим наполнением – синтаксически эквивалентную структуру для одного предложения, переводчик переходит к следующему. Если при планировании и пробном наполнении следующего предложения возникают дополнительные факторы и соображения, требующие вновь вернуться к предыдущей фразе и переделать ее, переводчик так и поступает; затем вновь продвигается вперед, постепенно фиксируя свои становящиеся ясными решения на письме. Лексический рисунок текста становится все определеннее, производятся необходимые гипонимические и гиперонимические замены, адаптации и смысловые модуляции, часть которых также несомненно носит типологически обусловленный характер. Как уже упоминалось, переводчик принимает взаимосвязанные решения на разных уровнях, одновременные или несколько смещенные по шкале времени относительно друг друга, сообразно разворачиванию линейного ряда ПЯ, с возможными возвращениями назад: между создаваемым текстом и «текстовым преобразователем» (переводчиком) существуют отношения обратной связи.

Размер рабочего фрагмента текста в рамках данной модели – СФЕ, так как предложение переводится не изолированно, а в составе СФЕ, и именно на уровне СФЕ осуществляется выбор минимально необходимого рабочего уровня эквивалентности для каждого из входящих в СФЕ предложений. СФЕ испытывает некоторое смысловое давление снизу, со стороны входящих в него предложений и – одновременно – сверху, со стороны текста. Поэтому эквивалентность фрагмента на уровне СФЕ – не

равна механической сумме эквивалентностей входящих в СФЕ предложений, но представляется некоторым приближением к адекватности (суть которой, как известно, – не максимальная, а оптимальная точность); впрочем, поскольку адекватность – категория, соответствующая охвату сознанием целостного текста, на уровне СФЕ, возможно, следовало бы говорить о некоей *супер*-эквивалентности или *суб*-адекватности.

Можно выделить следующие этапы работы с текстом – подготовительный и основной.

1) На подготовительном этапе в ходе предпереводческого анализа переводчик, исходя из сводки / карты типологических соотношений в языковой паре, а также из лингво-исторической, функционально-стилистической и идиостилевой оценки текста, устанавливает общую картину соотношения общезыкового и авторского в данном тексте. Также определяется, не нужна ли в переводе та или иная степень исторической стилизации (поскольку функциональные аналоги и эквиваленты общезыковых и авторских явлений в этом случае должны подбираться с соответствующими историческими поправками¹⁸).

2) Далее, на основном этапе переводчик приступает к собственно переводу. У переводчика три операционных «горизонта» – субфразово-фразовый горизонт (соответствует уровню предложения), горизонт СФЕ и горизонт целостного текста (в качестве целостного текста в лингвистической модели смыслоформирования рассматривается короткий рассказ, эпи-

¹⁸ Проблема исторической стилизации мы намерены посвятить отдельную статью, и здесь более этих вопросов не касаемся, рассматривая в качестве основного случая без исторического стилизационного усложнения.

зод или глава крупного произведения¹⁹). Эти горизонты, динамически как бы частично наслаиваясь друг на друга в процессе перевода, однако же, не сливаются воедино. Субфразово-фразовый горизонт от фразы к фразе меняется, как непосредственно окружающая картина для едущего в повозке или в автомобиле путешественника; тогда как горизонт СФЕ – продолжим эту аналогию – открыт нам в пейзаже средней дальности, частью которого, впрочем, маячит видная отовсюду колокольня дальней церкви; в сущности, колокольня – одна из вех всей прекрасной и большой окружающей, на много верст вокруг видной картины, которая открывается путешественнику лишь с некоего возвышения, предоставляющего вид на весь текст в целом, с его большим горизонтом-окоемом. Сложность работы переводчика заключается в том, что чисто физически, материально всякий раз находясь в точке конкретного предложения, мысленно он должен все время переноситься и в точку следующих (и предыдущих) предложений, тогда как умственный взор его одновременно с этим должен быть простерт на все СФЕ, и в какой-то необходимой мере – даже на все множество предшествующих и последующих СФЕ, образующих целостный текст. Итак, действуя на уровне и в пределах СФЕ, переводчик движется от

первого предложения ко второму и т.д., до конца СФЕ, как это описано выше, разворачивая и одновременно как бы тестируя синтаксические построения, наполняя их на пробу словами и оборотами, приравнивая эти построения к каким-то новым, вдруг неожиданно явившимся лексическим решениям, пока кусок текста не отливается в идиоматически-совершенное (в идеале!) построение.

В заключение хотелось бы лишь еще раз назвать главные функциональные компоненты модели, связанные с действиями переводчика: принимая комплексные соотнесенные решения на разных языковых уровнях, переводчик *выполняет закономерные преобразования*, вытекающие из типологического / характерологического соотношения языков, как в области лексики, так и в области синтаксиса (1), *учитывает соотношение спектров частотности* разнообразных языковых явлений в данной паре языков (2), *общезыковое передает функциональными аналогами, авторское – аналогами авторского* (в последнем случае совершая формальные отклонения лишь по мере типологически обусловленной необходимости) (3).

Продуктивнее всего было бы продемонстрировать работу модели на материале какой-то языковой пары и на переводе конкретных текстов. Это можно сделать в дальнейшем.

¹⁹ Псурцев Д.В. Смыслоформирование художественного текста: теоретические основания лингвостилистического подхода. Дисс. докт. филол. наук. – М., 2009.